

ИНТЕРЕСНО О ВАЖНОМ

Путешествия СО СМЫСЛОМ Россия

Интересно о важном

Сборник статей

Путешествия со смыслом. Россия

«ИП Карелин»

2016

УДК 94 (470-25)
ББК 63.3(2)лб

Сборник статей

Путешествия со смыслом. Россия / Сборник статей — «ИП Карелин», 2016 — (Интересно о важном)

ISBN 978-5-91896-093-6

Чтобы стать путешественником, а не экскурсантом или отдыхающим, надо учиться. Чтобы путешествие состоялось, всегда нужны двое: неутомимый странник и новое место. Эта книга не только расскажет вам об известных или совершенно загадочных местах, она может заразить вас самым духом путешествия, страстью открывать новое и извлекать опыт из этих встреч. Открывать не только мир для себя, но и себя в этом мире – себя как частицу того, что мы называем «космосом». Этому учит пока не написанная еще наука о путешествиях со смыслом. Эта книга продолжает сборник «Путешествия со смыслом» и целиком посвящена России. Статьи, составившие этот сборник, на протяжении более чем 10 лет публиковались в журналах «Новый Акрополь» и «Человек без границ» и неизменно вызывали огромный читательский интерес. Авторы статей – философы и путешественники, имеющие большой практический опыт.

УДК 94 (470-25)

ББК 63.3(2)лб

ISBN 978-5-91896-093-6

© Сборник статей, 2016
© ИП Карелин, 2016

Содержание

Путешествуя – не пропусти	5
Признание в любви двум столицам	9
Там, у Невы, наш первый сад...	13
Петр задумал сад	14
Мечта о море	16
Петр и госпожа Фенус	17
Лабиринт	18
Ассамблеи	19
Невозможный Петербург	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Путешествия со смыслом. Россия: Сборник статей

Путешествуя – не пропусти Дмитрий Зубов

В каждом человеке живет Великий Путешественник. В детстве, читая книги о Христофоре Колумбе, Джеймсе Куке, Афанасии Никитине, я, как, наверное, и многие из вас мечтал открыть какой-нибудь необитаемый остров или пройти по тропам, по которым еще не ступала нога человека. Повзрослев, я с грустью узнал, что все острова уже кем-то открыты, а на карте мира не осталось белых пятен. Сегодня комфортабельный самолет буквально за считанные часы доставит вас в любую точку планеты. Получается, что в современном мире нет места новым колумбам!?! И никому не нужны отважные первооткрыватели? Ну уж нет!

Я открою вам один рецепт, который неоднократно испытал на себе. Купите билет на поезд, соберите чемодан или рюкзак, смело отправляйтесь в путь, и вас ждут великие открытия. Ведь любая поездка – это не только новые знакомства, новые впечатления, но и увлекательное путешествие внутрь себя. У вас появится реальный шанс открыть для себя необитаемые острова вашей души и пройти нехоженными тропами вашего сердца.

Куда же поехать? Хорошо, конечно, когда есть возможность побывать у Ниагарского водопада или взойти на афинский Акрополь, но на это не всегда бывает достаточно сил и средств. Не отчаивайтесь! Чудеса света рядом – они в любом старом русском городе. Их мало рекламируют, но они от этого не становятся хуже, напротив – чем неожиданнее встреча, тем сильнее захватывает дух при виде творений русских мастеров и сокровищ русской природы.

В разгаре лето, а значит, время подумать об отдыхе... У меня эта проблема решена – я в который уже раз еду открывать русские города.

Надежное место, чтобы укрыть сокровища, – какой-нибудь безлюдный, потаенный уголок. В стороне от шумных дорог, вдали от суеты современного мира, стоит город-сказка, город-чудо, город-история – Суздаль. Приезжая сюда, я всегда вспоминаю легенду о граде Китеже, который, спасая свою красоту и духовные богатства от полчищ Батыя, скрылся в водах озера Светлояр. Подобно этому мифическому городу, Суздаль вот уже много веков хранит от разрушительных ветров цивилизации все то сокровенное, что оставили нам русские мастера. В Суздаль нельзя приехать «по делу» или «из любопытства» – город не примет, не откроет своих сокровищ. Сюда надо приезжать, как приходят паломники к святым местам, чтобы прикоснуться к священному источнику, причаститься таинств русской истории.

Стоит только оказаться в черте города, сразу теряется представление о времени и пространстве, создается ощущение, что все здесь не от мира сего. Небо кажется голубее, воздух чище и прозрачнее, здесь даже днем видны звезды. Да, не удивляйтесь! Когда-то зодчие-мечтатели, чтобы, наверное, никогда не забывать о звездном небе, воссоздали его на куполах Рождественского собора.

Многие поколения людей мечтают найти легендарный Китеж. А может, не надо далеко искать, может быть, он здесь, в Суздале?..

При любом знакомстве – с человеком или новым городом – очень важно первое впечатление, первые минуты общения.

Подплывая к Угличу, стоя на палубе теплохода, в первый момент я отчетливо увидел только две вещи – спокойную гладь водохранилища и взметнувшиеся над водой языки пламени, увенчанные пятиглавием. Сначала я не понял, что это. Постепенно на память пришли прочитанные когда-то строчки книг по истории: «Смутное время», «Борис Годунов», «царевич Димитрий»... и тут вдруг я осознал, что передо мной – знаменитая церковь Димитрия на Крови, поставленная на том самом месте, где три столетия назад был убит наследник русского престола, восьмилетний Дмитрий Иоаннович.

Много славных страниц истории хранит этот тихий русский городок. Маленький угличский Кремль с его храмами и музеями мог бы стать украшением любого крупного города. Узжая из Углича, есть о чем вспомнить, но почему-то даже спустя несколько дней, закрывая глаза, видишь перед собой лишь бездонную синеву неба и пламенеющую Церковь на Крови.

Плес... Любителям русской живописи не надо представлять это место – это прекрасно сделал Левитан в своих картинах. Но только побывав здесь, я по-настоящему начал понимать, почему с такой силой притягивает художников этот тихий, провинциальный волжский городок. Сойдя с теплохода на берег, тут же попадаешь под действие колдовских чар. Неспешное и величественное течение Волги, старые деревянные дома, как будто забывшие, что на дворе конец XX века (в одном из таких домов и жил Левитан, сейчас это – дом-музей), церкви, вырастающие из крутого берега, словно их никто не строил, а стоят они здесь с изначальных времен, – все это околдовывает, заставляет забыть о времени и о себе, подхватывает и ведет по бесконечной набережной...

Гудок теплохода возвращает к реальности – пора снова в путь. Корабль отплывает, поднятая им волна, как бы прощаясь, плещется, разбиваясь о берег: «Плес... плес... плес...»

Погуляв по Костроме всего час или два, я поймал себя на мысли, что начинаю смотреть на все глазами героев пьес Островского. Шумная торговая площадь, уютные улочки, волжская набережная со знаменитой беседкой, старая пристань – словно естественные декорации к пьесам «Гроза», «Лес», «Бесприданница». Такое ощущение родилось не на пустом месте – в ста километрах от Костромы расположена усадьба ГЦельково, где знаменитый драматург создавал, вернее, срисовывал с природы колоритные персонажи своих произведений. А натурой писателю служили как раз Кострома и ее жители.

Но жемчужиной Костромы был и остается Ипатьевский монастырь. Его главный храм уже несколько столетий служит усыпальницей роду Годуновых; гостеприимные стены монастыря в Смутное время дали приют шестнадцатилетнему Михаилу Федоровичу Романову; именно сюда в 1613 году прибыло посольство Земского собора с вестью об избрании Михаила Романа на царский престол.

Мало кого оставят равнодушными живописные окрестности монастыря, экспонаты музея деревянного зодчества и тот дух красоты и творчества, которым живут эти заповедные места.

Существует легенда, что в начале XI века князь Ярослав Мудрый, охотясь на берегу Волги, недалеко от устья Которосли, убил священное животное – медведя, которому поклонялись местные племена. И на этом месте приказал «срубить город», и дал ему свое имя, а «священный» медведь стал символом Ярославля и занял место на его гербе.

Ах ты, батюшка, Ярославль-город,
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь во всей красоте.

Каждый путешественник, побывав в Ярославле, оценит справедливость слов народной песни. Расположенный на высоком волжском берегу, утопающий в зелени бульваров и набережных, старый Ярославль порастил меня своим совершенством и гармонией. Памятники архитектуры разных эпох не вступают в противоречие, не соперничают друг с другом, а слива-

ются в единый градостроительный ансамбль. Мощные крепостные башни, шатровые звонницы XVII века, дворянские особняки века XIX – все это кажется делом рук одного бессмертного Мастера, из века в век сохранявшего и воссоздававшего в камне величественный дух города. Ярославль живет традицией, поэтому неслучайно, наверное, выпала ему честь сохранить для России величайший памятник русской культуры – «Слово о полку Игореве». Именно в Ярославле, в стенах Спасо-Преображенского монастыря, известный коллекционер и меценат граф А.И. Мусин-Пушкин в конце XVIII века нашел рукопись, ставшую на следующие двести лет источником вдохновения, споров, новых открытий для всех, кому дорога русская культура.

Признание в любви двум столицам Галина Зеленская

Такого не бывает: одни любят Москву, своим богатством упивающуюся; другие – Петербург, из последних сил старающийся снять с себя печать города с провинциальной судьбой! А я не о нынешнем отношении к двум городам хочу речь вести. Моя цель – рассказать, что думал о них поэт Константин Николаевич Батюшков в пору «дней Александровых прекрасного начала». Так Пушкин окрестил этот момент в истории России, пусть так оно и будет. Батюшков написал два эссе. В 1811 году – «Прогулка по Москве», допожарной. В 1814 году, по возвращении из Европы с русской армией-победительницей, второе эссе – «Прогулка в Академию художеств», петербургскую.

Читаем первое эссе о Москве, представлявшей собой в ту пору «большой провинциальный город, единственный, несравненный: ибо что значит имя столицы без двора»... «Странное смешение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов европейских с нравами и обычаями восточными! Дивное, непостижимое слияние суетности, тщеславия, истинной славы и великолепия, невежества и просвещения, людскости и варварства. Я думаю, что ни один город не имеет ни малейшего сходства с Москвою. Она являет резкие противоположности в строениях и нравах жителей. Здесь роскошь и нищета, изобилие и крайняя бедность, набожность и неверие, постоянство дедовских времен и ветреность неимоверная, как враждебные стихии, в вечном несогласии, и составляют сие чудное, безобразное, исполинское целое, которое мы знаем под общим именем: Москва». Наблюдения Батюшкова не только блистательны! Они содержат тот мифологический образ, в котором запечатлена высшая суть российского бытия...

Москва – «котел»... Откройте крышку «котла», в средоточии Руси-России находящегося, и увидите: в «котле» этом, известном под общим именем: Москва, прячется страшное

чудище человеческой жизни – Бездна, что собой представляет вечное несогласие противоположных начал, многоразличных, неисчислимых. Несогласие, доведенное до крайности, или вражда, не знающая исхода, – древний Хаос, сочетающий в себе и созидание, и разрушение. Начало – конец, конец – начало ибо никак иначе: новый повтор, как верчение кругов на одном месте.

Москва, охаянная царем Петром, возведшим новый град на Неве, прекрасный Петербург, – древняя носительница страшного духа Бездны. Да... Дух Бездны, мучающий Неву и город, возникший на ее берегах, не сам по себе бытийствует. И он – проявление древних сутей бытия, Русь от Европы отличающих, на вечную самобытность ее обрекающих.

Дух этот, являя себя в водах Невы, идущей против своего течения, Петербург пугает, вернуть все начинания Петровы к первоначалу обещает. В Москве дух Бездны преград не признает и не знает: может вспыхнуть огнем, в Небеса устремляясь, чтобы, все дурное, все злое спалив, древняя Москва могла превратиться в носительницу-хранительницу самого лучшего, что было и есть в российской истории, – «отчизны край златой». Так оно и случилось...

2 сентября 1812 года армия Наполеона вступила в Москву златоглавую, оставленную жителями. Ночью начался пожар, и... победители оказались на пепелище. Наполеон так объяснил причину случившегося: «Чтобы причинить мне временное зло, они разрушают созидание веков». Он думал, время вертится вокруг него. Он думал, вечность его обнимает. Он ошибался: время и вечность – вселенские категории, им нет дела до отдельных личностей, даже до тех, что движимы стремлением стать «вселенскими узурпаторами». Не увидел Наполеон, что двух сил противоборство идет: стихия русской действительности, воспламененная верой праотцов, борется со страстью одного над всем и вся властвовать. Каким будет результат, можно предположить, к сведениям истории войны 1812 года даже и не прибегая: Наполеон не победит – Наполеон проиграет. Причина?

Сосредоточение страсти властвовать в точке одной пространственно-временной, пусть гениальной, и стихия, присущая целому народу, несопоставимы... Несопоставимы они по масштабам своим, как что-то законченное, самоопределившееся в границах бытия и «горящий вечно океан». Несопоставимы они и по деяниям своим: страсть жаждет власти для себя, стихия жаждет всеобщей свободы...

В 1813 году Батюшков видит сожженную Москву..

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары...
Нет, нет! Талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!..

Все – должное случилось... Москва, древняя носительница духа Бездны, как птица Феникс, восстала из пепла к новой жизни, превратившись в носительницу самого лучшего, что было в российской истории, – превратилась в «отчизны край златой».

1814 год. 31 марта с 10 часов до 3 часов пополудни союзные войска церемониальным маршем входят в Париж, покоренную столицу еще недавно казавшейся непобедимой империи. Простонародье угрюмо молчит, не помышляя ни жечь столицу, ни оставлять ее. Русские офицеры определены на постой в Париже. Они фланируют по Елисейским полям, обедают в модных ресторанах. Перед ними открываются двери самых знаменитых парижских салонов. Настороженность уходит – перед ними раскрываются сердца парижан. И... они слышат то, что

в России даже пригреться не может: «В отличие от русских французы не смотрят на своего монарха как на олицетворение Провидения на земле».

И вас интересует, каким показался Петербург вернувшимся из заграничного похода воинам российским? Читаем второе эссе Батюшкова – «Прогулка в Академию художеств». Почему не по Петербургу? Отвечаю. Академия художеств – детище Просвещения, на уровень которого поднялась Россия, потому что это образовательное учреждение сделало возможным осуществление главной установки просветительской программы – воспитания красотой. Батюшков следует в тот художественный центр, которому новая столица России обязана всем лучшим. Архитекторы, ее выпускники, создают прекрасный град на Неве; горожане-россияне под воздействием воплощенных в северной столице установок становятся теми людьми, что составляют гордость России. Что за время, это дивное начало XIX века! Что за время... И что за люди, скажу я вам!

«Вчерашний день поутру, сидя у окна моего с Винкельманом в руке, я предался сладостному мечтанию». Обратите внимание, эссе написано человеком, разделяющим эстетические установки Иоганна Иоахима Винкельмана. Труд его, «Историю искусства древних», он читает, как христианин Библию. В какие речения великого мыслителя вдумывается Батюшков, судя по стихам поэта, тоже нетрудно понять...

На человеческую жизнь влияют три обстоятельства: то – небо «отеческой земли»; то – воспитание, в котором предпочтение отдается красоте; то – образ правления, главный импульс которого – свобода. Результат таких воздействий – образ мыслей, позволяющих человеку стать «благородным отпрыском Свободы».

Да-да-да – вторит сердце Батюшкова... Красота – главное средство преобразования мира в соответствии с Благом, даруемым знанием Истины. Красота – главное средство совершенствования человека, идеал которого – Гражданин Вселенной, просвещенный.

Классика, дополняя я, – вечный идеал для классицистов, которые в России становятся, как автор «Прогулки», подлинными романтиками, сердца которых так по-русски о мире болят, страдают, к счастью взыскуют, счастье предрекают...

Чтение продолжаем: «И в самом деле, время было прекрасное. Ни малейший ветерок не струил поверхности величественной, первой реки в мире... Великолепные здания, позлащенные утренним солнцем, ярко отражались в чистом зеркале Невы, и мы оба единогласно воскликнули: «Какой город! Какая река!»

Надобно расстаться с Петербургом, надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите – какое единство! Как все части отвечают целому! какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями.

Получите потрясающий дар от поэта-эссеиста Батюшкова – формулу архитектурной гармонии, присущей Петербургу. То – «единство в многообразии», возникающее благодаря сочетанию трех сил: вод – архитектурных ансамблей – неба. То – чисто классический идеал красоты...

Идеальное – не реальное: недостижимо оно в действительности? Только не для Петербурга, в котором, с деяний Петра начиная, лишь «небываемое и бывает». Согласны? «Партеконом» – Парфеноном Батюшков считает не Биржу Тома де Томона, по объемному решению подобную периптеральному храму в афинском Акрополе, а Конногвардейский манеж – «преlestное», на его взгляд, «творение господина Гваренги». Почему? Отвечаю, как понимаю...

Для романтика Батюшкова высшая ценность архитектуры – ее сомасштабность с человеком, духовный мир которого она преобразует, а потому его сердце более других восхищают произведения палладианца Кваренги. Труды представителей высокого классицизма – Захарова и Томона «прекрасны, величественны». Этого не может не осознать ум. А сердце... Сердцу не прикажешь.

«Кто не был двадцать лет в Петербурге, тот его, конечно, не узнает. Тот увидит новый город, новых людей, новые обычаи, новые нравы».

Попался Петербург, как с поличным: «каков город, таковы и горожане». Петербургская история покажет во всех подробностях, что это за «космические узы». Многое будет потом... В начале XIX века город гармоничен, – горожане таковы же, точнее, стремятся к духовному совершенству.

Увидели? Петербург – не древняя Москва, воплощение стихии, Бездны, готовой вспыхнуть пламенем страстей и сгореть, чтобы снова возродиться...

В Петербурге, изначально замысленном как Парадиз на Неве, бог богов – Красота, направленная на преображение человеческой души здесь-сейчас, еще при жизни... Парадиз на Неве не хочет обещанного там-потом ждать! Он на красоту самого себя уповает, веря, что «небываемое бывает»!

Петербург пришел в мир не потому что, а зачем-то... Одна из истин, им в мир привнесенных, такова: в реальности достижима лишь Красота, но... пока люди сохраняют способность ощущать Красоту, они будут стремиться к Добру и Правде. Или иначе: пока душу людей питает Красота, не быть городу, не быть России, не быть миру «пусту». Это утверждает «блистательный и трагичный» Санкт-Петербург, за свои три века вобравший в себя мудрость мировой культуры.

Вы любите Москву златоглавую? А вы любите Петербург, тонуший в туманах? Их нельзя разделять уже потому, что они, как две исходные противоположности, едины: одна в дерзаниях ищет Новое, другой в созерцании Новое воплощает...

Кто достигнутое разрушает? Оба, но это, поверьте мне, следующий вопрос.

Там, у Невы, наш первый сад...

Мария Шершнева

1704 год. Россия ведет войну со Швецией. Уже отвоеваны морские берега, и под яростными порывами балтийского ветра рождается будущая столица – Санкт-Петербург. Еще гремят сражения, еще впереди Полтавская победа, а Петр I, сообщая в письме о наводнении в новом городе, подписывается: «Петер. Из Парадиза». Парадиз – райский сад. Не очень-то вяжется с тремя-четырьмя домами в северном болотном краю на берегу беспокойной Невы. Но уже в следующем письме в Москву царь пишет Стрешневу: «Как сие письмо получите, изволь, не пропусти времени, всяких цветов не помалу, а больше тех, кои пахнут, прислать с садовниками в Петербург».

Петр задумал сад

Из Москвы и подмосковных сел, из Новгорода, Воронежа и Киева, с Урала и из Сибири пошли обозы с липами, лиственницами, ильмами, кедрами, дубами, елями, каштанами и множеством душистых цветов. Часть деревьев закупали в Голландии и, вкопав в трюмах кораблей в песок, везли в Россию. Через два с половиной месяца, 16 июня 1704 г., Петр снова пишет Стрешневу: «Цветы, шесть кустов пионы, привезли в целости, чему зело удивляемся, как не разтрясло, а цветы немалые. Зело жалеем, что калуферу, мяты и прочих душистых не прислано...» Строятся садовые павильоны и роются каналы для фонтанной системы. Интересно, что думали подданные, получив царский указ «собрать со всех рек по пуду раковин и курьезных камешков»? И вот – фонтаны, лабиринты, галереи, беседки, пруды. Сотни мраморных статуй, созданных в мастерских Италии.

Еще со школьной скамьи мы знаем, что Петербург строился ради выхода к Балтийскому морю. Город-крепость, город-порт – это понятно. Но при чем здесь райский сад? Монаршая прихоть, желание, чтоб было «не хуже» европейских держав? Сад, создававшийся по образу и подобию голландских садов того времени, вдохновленный Версалем, все же не был похож ни на один из них. Совсем новые истории рассказывали его статуи-аллегии, необычными были и садовые постройки. Множество тайн окутывает создание Летнего сада.

...Давайте оставим на время историю и пройдем по покрытым солнечными бликами аллеям. Может быть, они подскажут разгадку. За три века Летний сад стал для петербуржцев одним из самых любимых мест. Воспетый в стихах, он приглашает к неспешной прогулке по своим дорожкам. Сюда приходят прикоснуться к трепетной душе Петербурга.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь как прежде плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника...

Солнечные лучи играют с листвой, высвечивают призрачную белизну мраморных статуй. Разливаются золотыми коврами на старинном паркете. Здесь у Невы стоит мраморный двуликий Янус – римское божество времени. Один лик его обращен в Прошлое, другой – в Будущее. Сад изменился, но можно угадать в его нынешнем облике тот сказочный, великолепный мир петровского барокко, созданный царем как букварь, по которому Россия постигала новую жизнь... Чему же собирался Петр учить своих подданных? Попробуем вслед за Янусом приоткрыть завесу, отделяющую от нас прошлое...

Мечта о море

Одно из самых удивительных сооружений первого Летнего сада – это Грот. Рожденный в подражание версальскому, он в то же время напоминал всех своих предшественников: и пещерные храмы Греции и Рима, и особенно гроты эпох Возрождения и барокко. Разбивая многоярусные сады по склонам холмов и на каменных террасах, итальянские архитекторы создавали в них гроты, имитируя пещеры, образующиеся под действием ветра и воды. Отделочным материалом служил травертин, добывавшийся из отложений горячих источников, – он как нельзя лучше передавал идею живой, естественной среды, так как включал в свою структуру окаменелости: моллюсков, различной формы раковины, листья, ветки и корни растений. Декорировали гроты перламутром, кораллами, цветными камнями, пемзовыми сталактитами, свисавшими со стен и потолков. Иногда гроты превращали в настоящие подземные театры – благодаря скрытым механизмам скульптуры, стоящие в этих искусственных пещерах, начинали двигаться, и перед изумленными зрителями воскресали сюжеты античных мифов, так любимых философами-неоплатониками. В эпоху барокко на первый план вышло философское и нравственное осмысление аллегорий, символов, эмблем.

Первый грот в Петербурге Петр посвящает морю – стихии, которая вдохновляла его с детства и до последнего дня, будоражила ум, неизменно давала новые силы и энергию. Море обещало великую славу России – победу в войне, утверждение на Балтике, достойное место среди европейских держав, обещало новых людей, не просто переодетых в европейское платье, но способных по-новому мыслить и создать новое будущее для своей страны. По европейской традиции того времени Грот представлял триумф Посейдона.

Входивший в Грот оказывался в таинственном царстве бога морей, освещенном проникающими сверху, сквозь световой фонарик, лучами. Колесница Посейдона располагалась на возвышении из удивительных камней и раковин, которыми были отделаны также стены и потолок. Пол же был из белого и черного мрамора. Отражаясь в огромных зеркалах ниш, журчали фонтаны с дельфинами, тритонами и морскими нимфами. Звучал орган, приводимый в действие струями воды, слышались голоса птиц. В трех залах Грота стояли античные статуи: героев – Геркулеса, Париса, Мелеагра, богов – Диониса, Фетиды, Афродиты, аллегорий Счастья – с рогом изобилия, Правды – с весами и заповедями, и еще «Добродетели, прогоняющей Ненависть» и множество других.

Петр и госпожа Фенус

Граф Савва Лукич Рагузинский и Юрий Кологривов, отправленные царем в Италию, получают особое задание: подыскать в Риме античную статую Венеры – богини любви и красоты. Вскоре Кологривов сообщает в письме Петру о том, что статуя – именно такая, какую ему хотелось, – найдена самым счастливым образом. И сразу вслед за этим следует новое известие: статуя арестована комиссией Ватикана. Дело в том, что раскопки и вывоз античных скульптур – языческих идолов, «белых дьяволиц» – были запрещены в то время указом папы римского. Петр начинает искать выход. Вскоре Петру докладывают, что при взятии нашими войсками Ревеля (нынешний Таллинн) случайно были захвачены мощи Бригитты Шведской – католической святой. Хитрейший дипломат Рагузинский предлагает папе Клименту VII обмен. Не мог же папа не согласиться обменять мощи почитаемой святой на языческого идола, тем более что о предложении узнали все кардиналы и религиозные деятели Италии – об этом уж Рагузинский позаботился!

Статуя Венеры вызвала у Петра особые чувства. Он приказывает поместить ее в крытой галерее-гроте на центральной аллее. Объявляет о празднике в честь прибытия госпожи Фенус, сам со счастливой улыбкой бродит рядом. Около статуи назначается постоянная охрана, дабы хоть как-то оградить божество от нелестных замечаний посетителей, воспитанных в слишком благочестивом духе... И все же позднее статую переносят в закрытый грот. Слишком дорога она оказывается для государя. Сейчас она, известная всему миру как Венера Таврическая, украшает один из залов Эрмитажа.

Лабиринт

В храмовых комплексах и садах древности лабиринт выполнял весьма серьезную роль – становился дорогой испытаний для тех, кто желал приобщиться к мистериям. Барокко, словно по мановению волшебной палочки, переносит лабиринт в свои сады, превращает его в игру, забаву. Но не таков был Петр, чтоб играть без пользы дела. У входа в Лабиринт стояла статуя горбатого Эзопа, и это было неспроста. Дорожки обрамляли высокие зеленые стены из кустарника, в которых были устроены 32 ниши с фонтанами, оформленными на сюжеты басен Эзопа. Около каждого фонтана стоял столб с медной табличкой, на которой четким шрифтом были написаны басня и – что немаловажно – поучительнейшая мораль. (Если такое путешествие вам кажется простым, возьмите томик Эзопа и попробуйте определить мораль каждой басни сами. Увлекательнейшее занятие!)

Все садовые постройки петровского времени разрушило страшное наводнение 1777 г. Но новые эпохи сохранили следы прошлого: на месте Грота построен изящный чайный домик, а о поучительных баснях напоминает русский Эзоп – И. А. Крылов, памятник которому стоит сегодня в Летнем саду. В его основании – скульптуры на сюжеты басен.

Ассамблеи

В назначенный для гулянья день на Петропавловской крепости с утра взмывал флаг с орлом, держащим в лапах четыре моря. Приезжали, согласно царскому указу, в лодках и по узким тропинкам поднимались к трем дубовым галереям. В пятом часу пополудни стреляла пушка, давая сигнал к началу праздника, и приглашенные спешили в сад... Там уже накрывали столы и устраивали танцы. Петр сам встречал гостей, ожидая на другом конце тоненького мостика. Замешкавшихся на мосту с ног до головы обливали фонтаны-шутихи. Ради праздника на аллее выпускали часть зверей из вольеров. Всеобщей любимицей была серна, она начинала подпрыгивать при звуках валторны и доверчиво подходила к рукам гостей. Смешил всех ужасно «большой еж» – дикобраз, появлялись и исчезали среди цветов синие лисицы. Гости дивились белым статуям. Петр экзаменовал молодых дворян на знание античной мифологии. На Неве собирались фрегаты, прамы, бригантины. Вечером все корабли освещались тысячами огней на мачтах. Искры фейерверков сияющими водопадами отражались в воде. Палили пушки. Провозглашались тосты: первый – за флот, второй – за «Парадиз».

Кроме праздников в Летнем устраивались и ассамблеи по царскому указу, «где можно друг друга увидеть и о всякой нужде переговорить, так же слышать, где что делается». Собирались во дворцах или прямо в саду. На столах – шахматы и шашки, на других – трубки и насыпанный горкой душистый табак, бутылки с дорогим вином.

Люди собирались разные, не слишком искушенные в новых правилах общения. Должно быть, накануне заучивали рекомендации изданной по велению царя книги «Юности честное зеркало»: «Не хватай первой в блюдо», «Ногами везде не мотай, не грызи костей, не облизывай персты».

Царь с хитростью удалял из общества тех, кто веселился по старинке или пытался скрыть тайные мысли за благообразным лицом. Огромный кубок водки – и невежа исчезал до времени. Кубок и иностранному послу – чтоб не зазнавался. Выпил (царю ведь не откажешь!) – и нет гордеца. Дожидайся под столом окончания ассамблеи... Молодежь осваивала танцы. Первая пара задавала тон, остальные повторяли за ней движения. Цесаревна Елизавета (дочь Петра), обожавшая танцы, нередко позволяла себе пошутить. Например, последним движением натянуть парик на нос своему кавалеру. А за ней «новую фигуру» повторяли все девушки в танцующих парах.

* * *

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.
Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

Шумит ветер в высоких кронах, словно шепчет стихи. Янус вглядывается в Прошлое и Будущее. За кронами деревьев застыли «Мир и Победа»... По дорожке от одной статуи к другой бегают малыш. Хочет ли он узнать у богов их тайны или поделиться своими? Или узнать свою судьбу у тех, кто 300 лет хранит золотые мечты Петербурга, мечты о России, в которой

найдется место Милосердию, Любви, Искренности и Истине? А мы снова придем учиться им в наш первый сад.

Невозможный Петербург Дмитрий Зубов

*Основание Петербурга является ярчайшим свидетельством русской силы духа, которая не знает ничего невозможного.
Госпожа де Сталь*

* * *

Однажды совсем еще юный Петр, лазая по амбарам своего предка Никиты Ивановича Романова в селе Измайлово, сыскал на льняном дворе старый английский бот... Так начинается история, ставшая уже хрестоматийной. А от этого ботика – «дедушки российского флота» – традиционно ведут историю России как морской державы. Но постойте! Как это могло случиться? Ведь часто можно слышать и о том, что Петр с раннего детства боялся воды и, по логике, должен был оставить ботик там, где нашел, и забыть о нем. Ах, что бы было с Петербургом и со всеми нами, если бы не эта находка!..

Франц Тиммерман и Каршен Брант, специально приглашенные по такому случаю из Немецкой слободы, подтвердили, что сей бот действительно используют при английских судах. А вот ответ Тиммермана о преимуществах ботика перед русскими лодками поразил Петра в самое сердце: «Он мне сказал, что он ходит на парусах не только по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивленье привело». Стоп! Если верно то, что с этого ботика начинается русский флот, то тогда с открытия, что можно ходить под парусом против ветра, следует вести отсчет истории Петербурга.

* * *

«...В самом деле, куда забросило русскую столицу – на край света! Станный народ русский: была столица в Киеве – здесь слишком тепло, мало холоду; переехала русская столица в Москву – нет, и тут мало холода: подавай Бог Петербург! Выкинет штуку русская столица, если подсоседится к ледяному полюсу... “На семьсот верст убежать от матушки! Экой востроногой какой!” – говорит московский народ, прищуривая глаза на чухонскую сторону» (Н. В. Гоголь «Петербургские записки 1836 года»).

С Николаем Васильевичем не поспоришь. Петербург, твердо ставший на 60-й параллели (если быть точным, 59°57' с.ш.), оказался самым северным из городов с миллионным населением. Эта географическая широта роднит Петербург с югом Аляски и севером Камчатки, и всего 2° Питер «не дотянул» до Якутска.

«Блестящей ошибкой Петра Великого» наречет Карамзин это событие, имея в виду «основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток» («Записки о древней и новой России»).

Сокрушаясь вслед за русским историком по поводу непредусмотрительности царя, невольно вспомнишь и ужасный петербургский климат. «Весны нет в Петербурге – это дело решенное; лета, в том смысле, как его понимает Европа и другие части света, также нет. Так что же в нем есть наконец? Как что? Помилуйте – а дождь, неутомимый дождь, вечный дождь, который так страстно любит приневские страны. Дождь сделался необходимостью для

Петербурга, без дождя ему, кажется, чего-то недостает. Если его нет день, другой, то Петербург начинает беспокоиться и спрашивает: “Что же это значит? Неужто он иссяк? Неужто он и сегодня не будет?”» (А.А. Григорьев «Заметки петербургского зеваки»). Будет! Будет! Ученые все подсчитали: ясных и безоблачных дней в Петербурге в среднем 31 в году (целый месяц!), 105 – как Бог пошлет, зато каждый год на город выливается 158 дождей. И прибавьте еще 61 день с твердыми осадками (снег, град, иней). «Есть люди, которые удивляются тому, откуда берется такая огромная масса воды, в течение нескольких месяцев ежедневно низвергающаяся на Петербург; но они и не подозревают, что это происходит от особенного благоволения неба, которое, зная, как дождь необходим для Петербурга, собирает дождевые тучи со всех концов земли для его удовольствия. И зато сколько сортов дождя падает в течение лета! И маленький, и большой, и проливной, и частый, и редкий, и мелкий, и крупный, и грибной, и травяной, и постоянный, и с отдыхом – решительно на все вкусы – кому какой больше нравится...» (А. А. Григорьев «Заметки петербургского зеваки»).

Ах да, чуть не забыл про наводнения! Первое случилось уже в год основания города. А потом – понеслось... В 1706 году Петр писал Меншикову: «Третьего дня ветром вест-зюйд-вест такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромы было сверху пола 21 дюйм, а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили на лодках. Однако же недолго держалась, менее трех часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели... Вода хотя и зело велика была, беды большой не сделала». А вот спустя сто лет петербуржцам было не до утех. В 1824 году Петербург пережил самое большое за свою историю наводнение. Вода поднялась на 421 сантиметр над уровнем Балтийского моря.

Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась...

А.С. Пушкин «Медный всадник»

Большую часть Петербурга накрыла нельская вода: «Хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые повсюду обтекали видимую часть города... все изломанное в шепки несло, влеклось неудержимым, неотразимым стремлением... Невский проспект превращен был в бурный пролив» (А. С. Грибоедов «Частные случаи петербургского наводнения»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.